

...Этого выступления в некоторых столичных кругах (не исключено, что и в квадратах, треугольниках и прочих геометрических фигурах тех или иных частей московского бомонда) ждали больше месяца. Его усердно анонсировали на гламурных телеканалах, в глянцевых журналах, на всевозможных столичных тусовках. И оно наконец-то состоялось! Когда на небольшую эстрадку столичного ночного клуба «Starlight» («Старлайт» — «свет звезд») вышла в ярком, блестящем одеянии новая звезда московского эстрадного полусвета Андриана Маркизано (по паспорту — Антонина Морковухина), зрители взорвались шумной овацией. Для них это было из событий — Событие. Еще бы! Сама (САМА!!!) Андриана, доселе гастролировавшая лишь по русскоязычным околоткам Канады, Штатов и туманного Альбиона, почтила их своим визитом.

Всякому из пришедших было интересно взглянуть на живую легенду гедонического

телеэфира, победительницу реалити-супершоу «Остров счастья». Ведь большинство из гостей ночного клуба в течение долгих месяцев неотрывно следили за перипетиями страстей и любовных интриг на тропическом острове, где поселили десять случайно подобранных пар человеческих особей обоего пола, от восемнадцати до тридцати лет. И там, в режиме круглосуточного наблюдения, избранная двадцатка должна была найти свою единственную любовь и отыскать клад, спрятанный под корнями одной из кокосовых пальм. В этом долгом марафоне сплетен, интриг, коварных подстав, сеансов прилюдных плотских утех и достаточно жестких кулачных поединков, в том числе и дамских, победила Андриана Маркизано.

И вот теперь эта любимица определенно-го, пусть и не самого широкого круга телезрителей, которые за нее яро голосовали, залиристо поет для них, изящно перемещаясь по эстрадке. Спору нет, природа не обидела Андриану ни внешностью, ни вокальными данными, ни даже некоторыми поэтическими дарованиями — она исполняла песни на стихи, отчасти даже не слишком скверные, собственного сочинения. И какое теперь значение имеет все то, что около года назад она отчебучивала и выкомаривала под объективами телекамер на жарких золотых пля-

жах и в тени пальм атлантического острова Мконхо? Какое значение имеет то, что она, по сути, принесла в жертву своего избранника, единственного и любимого, во многом благодаря которому и смогла добраться до финала? Случилось так, что под занавес супершоу вдруг выяснилось (изначально в условиях конкурса это не оглашалось — такая вот маленькая, подленькая подстава организаторов), что финалистке следует сделать «правильный» выбор между любовью и призовым миллионом долларов. И Андриана его сделала, променяв своего рыцаря (всем было памятно показанное в этот момент на телеэкране его лицо с горькой усмешкой разочарования) на право завладеть богатым кладом... И неважно, какой ценой. Ну, чем не повод к умилению, восхищению и головокружительному восторгу?! А мораль, а порядочность, а светлые, чистые чувства, то и дело воспевавшиеся на протяжении всего шоу? Да плевать на них! О чем речь, если дело касается денег?! Даже не денег — ДЕНЬЖИЩ!!!

Впрочем, по совести сказать, не все из зрителей восторгались и упивались присутствием Андрианы. Некоторые откровенно скучали, слушая «хиты», в которых дива уверяла некоего своего «чичероне» в том, что он «...нужен мне не больше порванных бахил», а также грозилась: «...Я с неба сорву

все звезды, я занавешу Луну!» Поэтому кое-кто украдкой в разгар концерта просочился в буфет, где коротал время, потягивая через соломинку что-нибудь прохладительное. Некоторые зрительницы время от времени потихоньку срывались в дамскую комнату «попудрить носик».

Одна из молоденьких зрительниц, отправившись в бытовой блок клуба все за тем же — «попудриться», отчего-то подозрительно долго не возвращалась. Ее спутник, молодой человек с внешними данными Кевина Костнера, начав тревожиться, попросил подружку своей девушки сходить и узнать, не случилось ли с ней чего-то непредвиденного? Подружка, кивнув в ответ, отправилась по хорошо знакомому маршруту и, войдя туда, куда мужчинам было строго запрещено заходить, через пару секунд опрометью выбежала назад с испуганным возгласом:

— Срочно! «Скорую»! Там... Там Ирина умирает!..

...Ранним августовским утром, выйдя из подъезда своего дома, полковник полиции Лев Гуров — старший оперуполномоченный главка угрозыска, первым делом предусмотрительно глянул вверх. Это было не лишним — последнее время край крыши их дома по утрам частенько оккупировала стая

негодниц-ворон, которые имели обыкновенные «бомбить» всякого, кто слишком громко хлопал дверью. Впрочем, случалось, перепало и тем, кто выходил из дома совершенно бесшумно. Но ворон-хулиганок на парапете крыши не было, и Лев широким шагом направился к своему «Пежо», припаркованному под большой, развесистой березой. Сегодня на работу ему нужно было попасть пораньше — намечалась внезапная министерская проверка (о чем его минувшим вечером по секрету уведомил их бывший стажер, направленный на работу в министерство). А Гуров, как назло, вчера недоработал отчет. Ну, просто до тошноты осточертела возня с бумагами, вся эта реально никому не нужная писанина. Вот и подумалось ближе к вечеру: а пошла бы она боком, вся эта дурацкая канцелярщина! Завтра утром можно будет и дописать, и сдать отчет по инстанциям. А оно вон как повернулось, каким краем вылезло... Проверка, значит... Зато утро-то какое сегодня — яркое, тихое, свежее! Не то что минувший вечер — противный и ветренный, с клочковатыми, сырыми облаками, летящими неведомо куда.

Неожиданно Лев боковым зрением заметил, как кто-то торопливо метнулся в его сторону от соседнего подъезда. Он оглянулся, увидел спешащего к нему мужчину лет

пятидесяти и сразу его узнал. Звали этого человека Ростиславом Бульмакиным. Работал он (вроде бы!) какой-то мелкой сошкой в одной из столичных коммунальных контор. По лицу Ростислава было заметно, что он чем-то сильно взволнован и даже напуган. Подойдя к Гурову, сосед поздоровался и торопливо заговорил, размашисто жестикулируя:

— Товарищ полковник! Лев Иванович! Извините, что беспокою, но у меня такое предчувствие, что меня собираются убить!.. Да! Поверьте, я не сошел с ума, и это не магия преследования... Это — реальность.

Как явствовало из его дальнейшего рассказа, последние несколько дней Ростислав уже неоднократно замечал за собой слежку, которую вел какой-то неизвестный ему, весьма непримечательный тип. Следил он со значительного расстояния, поэтому его лица ни разу увидеть так и не удалось. А вчера, когда Ростислав возвращался с работы домой (офис конторы от их дома находится недалеко, поэтому туда и обратно Бульмакин предпочитает перемещаться пешком), его едва не сбила неизвестная машина. Причем — в этом Ростислав мог бы поклясться! — это не было ошибкой водителя. Это было реальное покушение на его жизнь. Старенький серый «Фольксваген» появился внезапно, словно вынырнув из ниоткуда. Он мчался почти

впритирку к краю тротуара, по которому шел Ростислав. В какой-то миг авто вдруг метнулось вправо, целясь своим железным боком в погруженного в свои мысли, неспешно бредущего пешехода. И быть бы Ростиславу в морге, если бы не мелкая случайность — под колесом «Фольксвагена» оказалась выбоина в асфальте, из-за которой траектория его движения несколько сместилась. Поэтому вместо убийственного удара потерпевший получил лишь сильный толчок, отбросивший его в сторону.

Когда он, недоумевающий и напуганный, при поддержке случайных прохожих кое-как поднялся с тротуара, неизвестной машины уже и след простыл. От госпитализации Ростислав отказался наотрез — если не считать мелких ушибов, он, по сути, нисколько не пострадал. И лишь придя домой, Бульмакин вдруг осознал, что только чудом остался жив. Это его настолько потрясло, что ночью он едва смог уснуть, а утром постарался встретиться со своим соседом по дому, который во всей здешней округе слыл очень добросовестным и ответственным человеком, а самое главное — высококлассным сыщиком.

Выслушав Ростислава, Гуров взглянул на часы. Время еще, так сказать, терпело, и минут десять-пятнадцать на неожиданного собеседника потратить он мог вполне.

— Скажите, вы кого-то в этом покушении подозреваете? Вы знаете людей, которые могли бы желать вашей гибели?

— Даже предположить не могу, кому и каким образом я мог бы перейти дорогу! — растерянно развел руками Ростислав. — Честное слово! Врагов у меня, насколько я знаю, нет вообще: я человек не конфликтный, с соседями и сослуживцами отношения у меня хорошие.

— А как насчет кредитных долгов? Это не могли быть коллекторы? — уточнил Лев.

— Ну, кредит у меня есть, но я его выплачиваю очень аккуратно, и претензий у банка ко мне, я думаю, нет и быть не может...

Слушая его, Лев внутренне ощутил недоумение: действительно, кто и почему хотел убить этого человека? Можно было допустить, что вчерашнее покушение — дело рук случайного психопата, который мог напасть на любого другого, кто оказался бы на его пути. Но... интуиция подсказывала, причем вполне однозначно, что это не случайность. Это чье-то сознательное, хорошо продуманное, достаточно подготовленное покушение. Но из-за чего? Почему?

— У вас не было каких-то конфликтов с представителями криминала? Не обязательно глобальных. Может быть, какие-то

случайные, мимолетные трения? Ну, скажем, парковку не поделили? К вашим родственникам, к вашей семье — к ним никто претензий не имеет? — спросил он, окинув соседа испытующим взглядом.

— Ну-у... Ничего такого, что могло бы стать поводом к попытке меня убить, я не припомню, — выразительно пожал плечами Ростислав.

— Да, крайне непонятная история... — негромко констатировал Лев. — Хорошо, я попытаюсь выяснить, что тут к чему. Но думается мне вот что... Ввиду полной неопределенности причин покушения, трудно прогнозируемого хода развития дальнейших событий, пока мы будем разбираться, вам лучше было бы куда-то временно скрыться. Например, уехать к своим родственникам в Подмоскovie или в одну из соседних областей. Да и семье на всякий пожарный стоило бы какое-то время пожить у родни. У вас есть к кому уехать?

— Лев Иванович, вы считаете, что все настолько серьезно?

— Боюсь, что — да... Вы, конечно, можете со мной не согласиться и остаться дома. Но, на мой взгляд, для вас было бы лучше временно, как говорят, «залечь на дно».

Ростислав, страдальчески сморщившись, вздохнул:

— Хорошо, Лев Иванович, я так и сделаю. У меня под Клином живут дальние родственники, уеду к ним. Я так понимаю, отбыть мне нужно сегодня?

— Да, и чем скорее, тем лучше. И не просто уехать! Уехать очень незаметно, никак этого не афишируя. Свою машину лучше оставить дома. Кроме того, чтобы оторваться от слежки — а за вами вполне могут следить, — следует сменить минимум три таксомотора, прежде чем сядете на транспорт в сторону Клина. Телефон надо будет выключить и не включать до того момента, пока я вам не сообщу, что можно вернуться. Само собой разумеется, никаких звонков и эсмэсок семье. Вот моя визитка. Пусть на мой телефон кто-то из ваших тамошних родственников сбросит эсмэску. Связь будем поддерживать через него. И последнее. Вот вам лист бумаги и авторучка. В самых общих словах напишите заявление в полицию. У меня должны быть основания производить какие-то действия в плане расследования.

Ростислав, не мешкая, на соседней лавочке быстро написал кратенькое заявление и, пообещав сделать все в точности так, как ему было сказано, торопливо зашагал домой.

А Гуров по пути в главк осмысливал только что услышанное от соседа по дому. Он интуитивно ощущал, что его собеседник с ним

был искренним не до конца, что-то очень важное Ростислав утаил. Но что? Возможно, Бульмакин участвует в каких-то темных делишках, и именно это стало причиной попытки его убить. Впрочем, в любом случае эту историю следовало распутать до конца. Кто знает? Вдруг здесь что-то чрезвычайно серьезное, что несет опасность многим другим людям?

Прибыв в главк, он первым делом отправился в информотдел, начальник которого, майор Жаворонков, несмотря на ранний час, был уже на месте. Рассказав ему о своем недавнем разговоре с соседом по дому, Лев поручил сотрудникам отдела попытаться выявить серый «Фольксваген», который стал орудием не состоявшегося, к счастью, преступления. По его мнению, нужно было взять записи видеокамер уличного наблюдения, а также записи ведомственных камер на участке улицы Аральской, в пределах Первого и Третьего Звездных проездов. Пообещав немедленно организовать сбор необходимой информации, Жаворонков добавил, что часа через три, максимум четыре, он уже сможет сообщить о каких-то результатах.

Пройдя в свой служебный кабинет, Лев поспешил заняться бумажными делами. Когда он уже подписывал готовый отчет, в дверь кабинета раздался негромкий стук, и почти